

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В КАЗАХСТАНЕ

М. Ким

Великая Октябрьская социалистическая революция победила как революция, соединившая «в один общий революционный поток такие различные революционные движения, как общедемократическое движение за мир, крестьянско-демократическое движение за захват помещичьих земель, национально-освободительное движение угнетённых народов за национальное равноправие и социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата»¹.

Активное участие в пролетарской революции трудящихся масс национальных окраин и гигантский подъём национально-освободительного движения в России после Октябрьского переворота имели свои глубокие причины.

Здесь сказались влияние и революционное воздействие, инициатива и руководящая роль русского пролетариата, создавшего самое необходимое условие успеха освободительного движения угнетённых народов — диктатуру пролетариата. Здесь сыграли свою роль и экономические и общественно-политические условия в колониальных окраинах России и те внутренние противоречия, которые существовали там между различными слоями населения колониальных окраин.

В настоящей статье автор ставит своей задачей показать истоки национально-освободительного движения угнетённого царизмом казахского народа и причины живого участия трудящихся масс Казахстана в Октябрьской революции.

И. В. Сталин учит, что экономическую основу национально-освободительного движения колониальных народов составляет аграрный вопрос и что колониальная проблема, в сущности, — это крестьянская проблема. Эти положения особенно правильны в отношении освободительного движения в таких колониях, как дореволюционный Казахстан.

Определяющее значение аграрного вопроса в Казахстане было обусловлено двумя обстоятельствами: 1) Казахстан представлял собой аграрный край, где 95% населения было занято сельским хозяйством, где варварская эксплуатация трудящихся масс скотоводов и земледельцев имущими классами основывалась на патриархально-феодалных, аграрных отношениях; 2) в экономической системе царской России Казахстан играл роль аграрного придатка и являлся одной из наиболее отсталых национальных окраин России, он служил для царизма объектом широкой колонизации, сопровождавшейся массовой земельной экспроприацией «туземных производителей».

Отличительными чертами экономики и общественного строя дореволюционного Казахстана являлись: абсолютное преобладание скотоводства над земледелием, кочевой образ жизни для подавляющего большинства местного населения и господство патриархально-феодалных отношений. Эти коренные особенности обусловили собой ряд других, производных особенностей (в хозяйственной и культурной жизни

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 204.

и в право порядках у казахов) и своеобразие аграрных отношений, существовавших в Казахстане до Великой Октябрьской социалистической революции.

Скотоводством было занято свыше 90% коренного населения. По своему качественному состоянию казахское скотоводство находилось на весьма низком уровне развития и представляло собой примитивное и крайне экстенсивное хозяйство. Полностью отсутствовали даже самые элементарные агро- и зоотехнические мероприятия; кормление скота было основано на пастбищной эксплуатации кормовой площади; заготовка кормов для скота была исключением. Пастбищное скотоводство обусловило кочевой образ жизни казахов.

Низкому уровню материального производства и культуры казахского общества соответствовали его внутренние общественные отношения, его социальный строй. Особенностью социально-экономического строя у казахов до Октябрьской революции было переплетение патриархально-родовых пережитков со сложившимися феодальными имущественно-классовыми отношениями.

Пережитки родового быта особенно сильно сказывались в земельных отношениях среди казахов. У казахов не существовало ни частной собственности на землю, ни индивидуального землепользования. Субъектом землевладения и землепользования выступал род. Причём ещё в сравнительно недавнем прошлом среди казахских кочевников не существовало особых правовых норм, регулирующих пользование землёй. Порядок землевладения и землепользования основывался на принципе «права фактического владения и давности». Та или иная родовая группа кочевников приходила в какое-нибудь место, не занятое другими, устанавливала более или менее ясный круг кочёвки и «владела» им, но потом по тем или иным соображениям уходила на новое место. Ещё в 1890 г. экспедиция Щербины обнаружила подобные порядки «землевладения» в Батаналинских волостях, Кустанайской области.

Общественное пользование землёй служило материальной основой внутренней устойчивости родовой общины, её прочности. Но наряду с этим в общинном хозяйстве существовала частная собственность на скот, которая неизбежно приводила к дроблению родовой общины, к индивидуализации скотоводческого хозяйства и к постепенному установлению частной собственности на землю. В конце XVIII и начале XIX в. у казахов явно наметился процесс распада общинного землевладения и начался переход от кочевания целыми родовыми группами к поодиночному кочеванию и к частному присвоению земли.

Ещё задолго до присоединения Казахстана к России начался процесс феодализации казахского общества.

Новые, феодальные земельные отношения выступали в старых, родовых формах, опирались на так называемое обычное право. Для характеристики своеобразия патриархально-феодальных земельных отношений в дореволюционном Казахстане достаточно указать на порядок землепользования внутри рода между отдельными хозяйствами, который существовал там до Октябрьской социалистической революции. Родовой знати, согласно сложившемуся обычаю, принадлежало «право распоряжаться районами кочёвок», т. е. распределять их между общинниками, разбирать земельные тяжбы и т. п. Это обычное право служило для знати прежде всего средством присвоения общинных земель и создания частной земельной собственности. При распределении земли между общинниками принимались во внимание сила и общественный вес хозяина. Обыкновенно представителям родовой знати давалось больше земли и лучшего качества. Состоятельные казахи широко пользовались также родовым брачным правом, по которому каждый член рода, женись, получал один надел земли и воды. Богачи из патриар-

хально-феодальной верхушки по несколько раз женили своих сыновей (что было недоступно для бедных) и каждый раз получали надел.

Право частной собственности на землю приобреталось также и другими путями: на основе дарственных грамот хана, куплей и т. д. Поэтому земельными собственниками становились не только представители родовой знати, но и богатые из «черни» — баи.

Это одна сторона аграрных отношений в дореволюционном Казахстане; другую породила аграрно-колонизаторская политика царизма.

Царское правительство, принимая казахов в русское подданство, преследовало захватнические цели. После присоединения Казахстана к Российской империи царизм проводил там политику жестокой эксплуатации и прямого грабежа, обрекая казахский народ на двойной гнёт — классовый и национальный. Но вместе с тем русская колонизация Казахской степи, приход русского населения в этот край вызвали существенные прогрессивные изменения в экономической и общественной жизни Казахстана. Достаточно указать на такие исторические факты, как ликвидация остатков рабства у казахов, упразднение отдельных патриархально-родовых пережитков, появление промышленных предприятий в крае, рост торговли, строительство железной дороги, наконец, проникновение в Казахстан передовой русской культуры.

Эти прогрессивные явления имели место как объективные последствия русского господства в Казахстане и совершались вопреки субъективно-реакционным мотивам политики царизма. Последний, объективно способствуя своей политикой развитию прогрессивных начал в хозяйственной и культурной жизни казахов, всячески стремился, однако, консервировать родовой быт и другие архаические порядки у казахов, поскольку это отвечало его интересам «господствовать и грабить».

Присоединение Казахстана к России повлекло за собой серьёзные изменения в аграрном строе Казахстана, обусловив такие прогрессивные явления, как переход к оседлости и земледелию, который прежде имел лишь зачаточный характер. Обратимся к некоторым данным. В четырёх областях степного края, где до присоединения их к России «киргизские оседлые хозяйства составляли редкое исключение», в 1900 г. уже 20 с лишним процентов казахских хозяйств были оседлыми. По данным обследования 1911 г., в Лепсинском уезде, Семиреченской области, процент оседлых казахских хозяйств достигал 28, а в Копальском — 28,2².

Существенные изменения происходили в связи с русской колонизацией края и в развитии казахского земледелия. Показательны цифры роста посевной площади у казахов Акмолинской области за последнее двадцатилетие XIX века. В 1880 г. только 2,1% казахского населения области имело посев разного рода хлеба, в 1890 г. — уже 11%, а в 1900 г. — 13%. Значительные изменения произошли и в технике обработки земли, хотя она (техника) и продолжала оставаться в основном примитивной. Наряду с преобладающим самодельным инвентарём — «тес-агач», «мала» — казахи стали применять плуги и бороны. По данным обследования 1911 г., в Верненском уезде у казахов на 100 орудий вспашки приходилось 21,82 плуга и на 100 орудий бороньбы — 20,75 железных бороны³.

Таким образом, отсталое и экстенсивное пастбищно-скотоводческое хозяйство казахов постепенно переходило в более передовое и интенсивное скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Но не эти прогрессивные преобразования в экономике казахского сельского хозяйства, происшедшие после присоединения Казахстана к России, являлись главным итогом колониальной аграрной политики

² См. Материалы по обследованию Семиреченской области. Т. IV, стр. 249. СПб. 1911.

³ Там же, стр. 260.

царизма в Казахстане. Главный итог царской колониальной политики в Казахстане — это обезземеление и разорение трудящихся масс скотоводов, неслыханный гнёт и политическое бесправие их.

Основным звеном в царской колониальной политике в Казахстане служила русская колонизация казахских степей. Казахские степи явились источником для создания колоссальных переселенческих земельных фондов, за счёт которых русские помещики пытались разрешить «земельный голод» и избавиться от «аграрного перенаселения» в Европейской России.

Царская переселенческая политика преследовала и другую цель — создание на колониальных окраинах опоры своего империалистического господства. «Политика царизма, — писал товарищ Сталин в тезисах по национальному вопросу к X съезду партии, — политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надёжную опору великодержавных стремлений»⁴.

Русских крестьян толкала в районы колонизации нужда. Абсолютное большинство переселенцев состояло из неимущих крестьян. Превращение же последних в зажиточных крестьян происходило исключительно за счёт разорения коренного населения. Русские крестьяне-переселенцы и особенно казаки получали наделы за счёт экспроприации земли у казахов-кочевников.

Уже к концу XIX в. царским правительством было изъято из пользования местного населения и передано в нераздельное владение казачьих войск более 10 млн. десятин пахотно-луговой и пастбищной земли, огромные массивы земли по долинам рек Иртыша и Урала, так называемая десятивёрстная полоса Иртыша и левая пойма Урала, а также десятивёрстная полоса, прилегающая к Пресногорьковской линии в Акмолинской области. В конце 90-х годов царское правительство учредило в Казахстане «временные переселенческие партии» и приступило к созданию колониационных фондов.

Царские колонизаторы бесцеремонно отбирали у местного населения колоссальные массивы культурной земли, в том числе и такие земли, на обработку которых был затрачен труд целых поколений. Кулацкие переселенческие хозяйства вырастали за счёт изгнания казахов с их насиженных мест в горы и пустыни, за счёт экспроприации не только просто удобных и обработанных земель, но также и земель орошённых. Генерал-лейтенант М. А. Терентьев, которого никак нельзя заподозрить в пристрастной оценке царской колонизаторской политики, писал, что «у киргиз отнята была лучшая земля, с готовыми и дорожными арыками и не только пашни, но и лучшие зимовки. Для перекочёвок не оставлены даже скотопробные кочевые дороги, и киргизы стали в положение вечных плательщиков за пропуск их по казачьей земле, за пастбища и т. д.»⁵.

Крестьянин-переселенец в отличие от казаха-кочевника, владевшего кочевьями на правах общественного пользования, считался «единоличным владельцем доставшихся ему участков на правах постоянного наследственного пользования»⁶.

Земли же, предоставленные кочевникам на «бессрочное пользование», считались государственной собственностью и могли быть в любой момент отобраны у них и переданы в переселенческий фонд. В примечаниях к статье 120 «Положения о Степном крае» и статье 270

⁴ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 71. Партиздат. 1934.

⁵ Терентьев М. «История завоевания Средней Азии», стр. 267.

⁶ «Переселение и землеустройство в Азиатской России». Сб. законов и распоряжений 1915 г., стр. 14.

«Положения о Туркестанском крае» указывалось, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Главного управления Землеустройства и Земледелия»⁷. Эти примечания появились в виде поправки к указанным статьям и были приняты Государственной думой в 1910 г. по требованию октябристов.

В определении излишков и их размеров, несмотря на существовавшие на этот счёт специальные инструкции, со стороны переселенческих органов допускался полнейший произвол, и на практике изъятие «излишков» превратилось в форменный грабёж.

Превращение всей казахской земли в собственность государства, непрерывные и неограниченные изъятия земель у местного населения, произвол чиновников переселенческого аппарата, царившие при землеотводных мероприятиях, — таковы основные черты колонизаторских аграрных отношений, созданных царизмом в Казахстане.

Существенным фактором имущественной дифференциации и расслоения казахского общества служило развитие в степи торговли. Торгово-капиталистическая эксплуатация кочевника в основном осуществлялась через скупку продуктов местного скотоводства и сбыт привозных промышленных изделий. Проникновение торгового капитала в степь сопровождалось образованием торгово-ростовщического слоя среди местного населения и усилением эксплуатации трудовых кочевников «своей» буржуазией.

С колониальным господством царизма было связано усиление налогового бремени, которое являлось также одной из главных причин разорения бедноты, роста классового расслоения в ауле. Разнообразные и многочисленные подати, взимаемые с местного населения, представляли собой ту форму, в которой во всё возрастающих размерах отчуждался не только продукт прибавочного труда, но часто и продукт необходимого труда колониального производителя.

Итак, захват байско-манапской родовой верхушкой общинных земель и сосредоточение в её руках земель, скота и другого имущества, экспроприация земли у кочевников царскими колонизаторами, налоговый пресс, торгово-ростовщическая эксплуатация трудящихся скотоводов — таковы основные источники роста имущественного неравенства между различными слоями казахского общества и усиления классового расслоения населения степи.

Небольшой слой эксплуататоров состоял из родоначальников, ставших теперь своеобразными полукочевыми феодалами, представителей родовой знати, превратившихся в первых ростовщиков и торговцев, и из баев — чиновников, узурпировавших общественную власть и материальные богатства общины. Второй слой включал в себя всю широкую массу эксплуатируемых, в том числе разорившихся безземельных и бесскотных «степняков», для которых была одна дорога — «байская кабала». Самый имущий слой байско-манапской верхушки казахского населения, «по удостоверению знатоков киргизского быта», составлял не свыше 4% всего населения⁸. Материалов о распределении земли и скота между различными имущественными группами местного населения не имеется, но на основе косвенных данных можно установить, что в руках этих 4% эксплуататорского слоя было сосредоточено не менее 50% земли и скота, принадлежавших казахскому населению. Эти выводы подтверждаются данными обследования 1911 г. по Семиреченской области: «В низшей группе, в хозяйствах без посева, имеющих до 1 единицы скота, в среднем на одно хозяйство приходится всего 0,56 головы рогатого скота, что в переводе даёт 0,25 единицы, в высшей

⁷ «Переселение и землеустройство в Азиатской России». Сб. законов и распоряжений 1915 г., стр. 264.

⁸ Пален «Переселенческое дело в Туркестане», стр. 164.

группе, в хозяйствах, сеющих более 7 десятин и имеющих более 25 единиц скота, на 1 хозяйство приходится 201,98 головы»⁹.

Таким образом, в высшей группе в среднем на хозяйство приходилось скота в 300 с лишним раз больше, чем в низшей группе. По данным того же обследования, «хозяйства, бесскотные и имеющие скота менее 1 единицы, сеют в среднем 2,14 десятины... хозяйства, имеющие свыше 25 единиц скота, сеют 6,68 десятины»¹⁰. Среди киргизских богачей были такие, которые засевали по 100—200 десятин хлеба, имели по нескольку десятков тысяч голов скота. Это были крупные байско-помещичьи земледельческие и скотоводческие хозяйства, «производившие на рынок». Наряду с этим широкое распространение получили «джетачество» (обеднение скотом) и обезземеление кочевников. Даже по официальным данным царской статистики в 1909—1910 гг., «56% туземных хозяйств Семиречья имели всего только 11,8% поголовья скота», числившегося у коренного населения. А 88,2% всего поголовья скота принадлежало 44% «состоятельных слоёв»¹¹. На основе растущей имущественной дифференциации среди казахов сложилась система байско-манапской эксплуатации бедноты.

Наряду с облачным в форму обычно-родовой традиции способом эксплуатации бедноты байско-манапская верхушка прибегала к современным, капиталистическим способам. Начиная с последней четверти XIX в. в казахской степи получил применение наёмный труд, который стал уделом скотовода, лишившегося скота, пастбища и других средств производства, необходимых для ведения собственного хозяйства.

По четырём уездам Семиреченской области — Верненскому, Джаркентскому, Копальскому и Лепсинскому, — по данным обследования 1911 г., к найму рабочих прибегало 14,78% казахского хозяйства. Причём 68% хозяйств, применявших наёмный труд, использовало годовых работников, и 61% из общего числа наёмных рабочих были годовыми работниками. Таким образом, крупные байско-манапские хозяйства применяли постоянный наёмный труд. По указанным четырём уездам хозяйства, занятые «промыслами», в 1911 г. составляли 16,75%. Из общего числа занимавшихся «промыслами» 72,55% было занято наёмной работой в сельском хозяйстве, т. е. нанималось в батраки. Среди хозяйств, занятых «промыслами», процент бесскотных и беспосевных хозяйств, отпущавших батраков на наёмные сельскохозяйственные работы к баям, составлял 85—90¹². Однако отличительная черта наёмного труда в степи состояла в том, что и он был опутан сетью родовых пережитков и носил кабальный характер. Находясь в плену патриархально-родовой идеологии, казахский батрак часто смотрел на своего бая-эксплоататора как на благодетеля-сородича и не всегда осознавал его хищнические помыслы.

Среди казахских хозяйств (главным образом земледельческих) широкое распространение имела также «работа бедных на-исполу» — одна из тяжёлых, кабальных форм эксплуатации безземельных бедняков.

Байско-манапская эксплуатация разоряемых масс скотоводов и земледельцев, усилившаяся по мере роста имущественной дифференциации среди казахского населения, вызвала обострение экономических противоречий и классового антагонизма между эксплуататорскими верхами и эксплуатируемыми низами аула.

Другой узел экономических и классовых противоречий в Казахстане — это обусловленное экономическим неравенством противоречие

⁹ Материалы обследования по Семиреченской области. Т. IV, стр. 159.

¹⁰ Там же, стр. 198.

¹¹ Там же, стр. 26.

¹² Эти и другие вышеприведённые цифры выведены из данных обследования Семиреченской области 1911 г. и ревизии Галена.

между пришлым русским населением и трудящимися массами местного населения.

Для характеристики имущественного неравенства между русскими и казахами показательна следующая таблица:

Народность и местожительство	В среднем на хозяйство приходится				
	Душ обоого пола	Скота в переводе на лошадь	Десятин посева		Десятин естественного покоса
			хлебов	люцерны	
Киргизы Семиречья	5,44	15,34	1,88	0,34	2,20
„ Черняевского уезда	6,60	16,11	4,02	0,13	1,47
„ Аулиеатинского уезда	6,60	13,40	4,29	0,41	1,98
Русские Семиречья	7,34	9,98	7,44	0,33	2,14
„ Черняевского уезда	6,90	10,70	12,85	0,42	2,70 ¹³

Русский переселенец имел и больше посева и больше рабочих рук; несколько меньше он имел скота: скотоводство не являлось его основным промыслом. Семиреченский казах 56,6% своего дохода извлекал из скотоводства и лишь 22,4% — из земледелия, тогда как русский переселенец 55,9% получал от земледелия и 12,9% — от скотоводства¹⁴. При таком распределении доходных статей у переселенца было в 3—4 раза больше посева, чем у казаха, а у последнего — только в 1,5 раза больше скота, чем у первого. Об экономическом неравенстве между русским и коренным населением свидетельствуют и данные о размерах среднегодового дохода. В Семиреченской области перед первой мировой войной средний годовой доход русского крестьянского хозяйства равнялся 1018 руб., а доход казахского хозяйства — 464 рублям¹⁵.

Переселенческое кулачество и казачество жестоко эксплуатировали казахскую бедноту. Эта эксплуатация имела многообразные формы. С одной стороны, кулаки-переселенцы нанимали в батраки разорившихся казахов, брали у последних в аренду земли, закабалили их при помощи натуральных и денежных ссуд и т. п., а с другой стороны, они прибегали и к внеэкономическим способам эксплуатации — захвату земель и оросительных систем, угону скота, штрафам «за потравы» и т. п. В 1900-х годах только по Иртышу и в Алтайском горном округе насчитывалось около 100 тыс. безземельных казахских хозяйств. «Бедняки-киргизы вынуждены были арендовать земли, быть в кабальной зависимости от баев и русских земельных собственников»¹⁶. Наряду с этим киргизская беднота иногда была не в состоянии использовать из-за отсутствия инвентаря свою землю и вынуждена была отдавать её под обработку на арендных условиях тому же русскому населению, причём нередко сами дехкане попадали в работники к арендаторам своей же земли или получали от них взамен арендной платы инвентарь для обработки незначительного остатка своих полей¹⁷.

Таким образом, между имущим слоем русских переселенцев и основной массой местного населения сложились антагонистические отношения, основанные на политико-правовом и имущественном неравенстве между ними. В лице русского переселенца-кулака казахи видели не только носителя национального гнёта, но также хищного эксплуататора — классового врага.

¹³ Васильев «Семиреченская область как колония», стр. 135.

¹⁴ Там же, стр. 135.

¹⁵ Там же, стр. 137.

¹⁶ «Волжский вестник» № 203 за 1898 год.

¹⁷ Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР) КазССР, ф. 554, оп. 2, д. № 16, л. 119.

Пока Казахстан оставался в колониальном положении и казахский народ терпел колониальный гнёт со стороны русского царизма, противоречие между русскими колонизаторами и трудящимися массами коренного населения, в котором органически переплетались национальная вражда с классовым антагонизмом, безусловно имело перво-степенное значение для судьбы казахского народа.

Но нельзя представлять классово-однородным и русское население в крае. О степени имущественной дифференциации среди русского крестьянства в крае и пауперизации его маломощного слоя можно судить по данным о росте наёмных сельскохозяйственных рабочих из числа русских. Последних было несравненно меньше, чем наёмных рабочих из среды местного населения, но в отдельных случаях процент русских был значителен. Так, например, по Сыр-Дарьинской области в предвоенный период 34% наёмных сельскохозяйственных рабочих составляли русские — из беднейших крестьян. Причём русские батраки все, как правило, нанимались к русским кулакам. Таким образом, русские кулаки эксплуатировали не только местных трудящихся, но и «свою» бедноту. Естественно, что на этой почве возникали классовые противоречия между противоположными имущественными слоями и внутри русского крестьянства и казачества. Это был третий узел экономических и классовых противоречий в дореволюционном Казахстане. Этот узел противоречий служил чрезвычайно важным фактором развития классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров, способствовавшим созданию классового союза русской бедноты и казахской «букары», созданию в дальнейшем их общего классового фронта в борьбе против кулаков и баев.

Таковы основные узлы классовых противоречий, которые завязались на основе царской, колонизаторской аграрной политики в Казахстане и аграрных отношений, сложившихся там в дореволюционное время.

Эти противоречия определили характер борьбы казахских трудящихся масс против своих поработителей и эксплуататоров, которая выливалась в основном в разнообразные формы аграрного движения, начиная от пассивного сопротивления и кончая вооружёнными выступлениями.

Важнейшим этапом в истории освободительного движения казахского народа явился период первой русской революции 1905—1907 гг., сопровождавшийся массовым подъёмом аграрного движения. Последнее было связано, с одной стороны, с влиянием революционно-крестьянского движения в Центральной России, а с другой — с усилением переселенческого движения из Европейской России в Казахстан и дальнейшими земельными изъятиями у казахов в начале XX века.

Следующим важнейшим этапом национально-освободительного и крестьянско-демократического движения в Казахстане явилось восстание 1916 года. По своему характеру и размаху оно резко отличалось от всех предшествовавших выступлений казахов против царизма и нанесло первый крупный удар по самодержавию со стороны угнетённых народов среднеазиатских русских колоний. Вместе с тем восстание 1916 г. явилось началом и нового этапа в развитии классовой борьбы в ауле и послужило прелюдией к революционно-крестьянскому движению в Казахстане в период Октябрьской социалистической революции.

Хотя географические пункты распространения событий 1916 г. находились в пределах почти всех современных среднеазиатских республик и в этих событиях в той или иной мере участвовали все народы Средней Азии, однако восстание 1916 г. было прежде всего восстанием казахского народа. Основные очаги восстания находились в пределах Казахстана, а главную массу участников движения составляли казахи.

Каковы бы ни были непосредственные поводы к выступлению, восстание 1916 г. по своему экономическому содержанию было движением аграрно-крестьянским, остриём своим направленным против колонизаторства.

К началу первой мировой империалистической войны русская колонизация степных областей достигла небывалых размеров. Общая площадь земли, отобранной царским правительством у местного населения и переданной русским колонизаторам, к 1914 г. достигла 40—50 млн. десятин. «Среди других народностей, населяющих Туркестанский край, киргизское население, составляющее до 2615 тысяч душ, является наиболее бесправным относительно пользования землёй,—признался Куропаткин. — По существующему закону, земли, которые ныне обеспечивают существование киргизского населения при кочевом образе жизни, признаются государственной собственностью и излишки их могут поступить в распоряжение казны. Слишком широкое толкование о размере этих излишков, особенно с 1904 г., повело к тому, что у киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казённых скотоводческих участков и казённых лесных дач... Это явление было отмечено уже при ревизии сенатора гр. Палена, но на него не было обращено должного внимания. Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население стеснено в распоряжении этой землёй лесной стражей... Старшие чины лесного ведомства признают наличие этих злоупотреблений, но... не видят возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые стражей даже на землях, оставленных в пользование кочевого населения. Кроме изложенного, киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей, недовольны и своим народным судом баев»¹³.

Главным очагом восстания 1916 г. в Казахстане были Семиреченская и Тургайская области.

В Семиречье, как районе самой необузданной колонизаторской вакханалии, восстание 1916 г. было направлено главным образом против земельных изъятий и засилья русского переселенческого кулачества. В восстании крайне слабо отразились классовые противоречия между различными социальными слоями внутри казахского общества. Этим и объясняется сравнительно большое число байско-манапских элементов, примкнувших к выступлению дехканских масс. Это обстоятельство имело отрицательное влияние на конечную судьбу восстания: национальные имущие верхи своим участием в движении сковывали революционную инициативу народных масс, чинили препятствия дальнейшему развитию восстания. Однако благодаря активности трудовых низов оно продолжалось там около двух месяцев (с 24 июля по 15 сентября).

В северо-западных районах Казахстана, в особенности в Тургае, восстание носило более выраженный классовый характер и отличалось большей организованностью и упорством повстанцев. Этим качеством освободительное движение 1916 г. в Тургае в значительной степени было обязано наличию у восставших масс талантливого руководителя народного героя Амангельды Иманова.

Движение Амангельды после временного упадка не было подавлено вплоть до февральской революции. С новой силой оно развилось после свержения царизма, сделавшись более массовым и классово последовательным, и послужило славной подготовкой дехканских масс к участию в Октябрьской революции.

В этом главное его историческое значение.

¹³ «Восстание 1916 г.». Сб. документов, стр. 215.

Царские колонизаторы усиленно использовали подавление «мятежа» для новых земельных изъятий у казахов: сгоняли их целыми аулами и волостями с насиженных мест на солончаки и пустыни, земли «наказанных туземцев-киргиз» передавались русским переселенцам. У «мятежников» отбирали скот и домашнее имущество и обрекали их на голодную смерть.

К этим «усмирительным» мерам сверху присоединилось «усмирение снизу»: кулаки-переселенцы мстили казахам за посягательство на их привилегированное положение в крае, на их господство. От кулаков не оставали и баи, которые, пользуясь безвыходным положением обобранных бедняков, нещадно эксплуатировали и закабалили их. В виду тяжелого положения казахских трудящихся масс от преследования царских палачей и голода более 100 тыс. человек бежало в Китай. Сократилось население в районах широкого распространения дехканского движения. Так, например, в Пржевальском уезде из 34 509 кибиток осталось лишь 8849 кибиток, в Семиреченской области казахское, киргизское и дунганское население в течение 1916 г. уменьшилось на 273 205 человек, что составляло ровно одну пятую часть всего населения области¹⁹.

Как и во всей стране, февральская революция не разрешила аграрного вопроса в Казахстане. Аграрная политика Временного правительства и его комиссаров в крае представляла собой прямое продолжение колонизаторской политики царизма.

Первым актом Временного правительства по Казахстану явилось постановление от 18 марта 1917 г. об амнистии палачам восстания 1916 года.

В дальнейшем Временное правительство оставило нетронутыми сложившиеся в результате царской колониальной политики земельные отношения в Казахстане, не внесло никаких изменений в основанную на патриархально-феодалных порядках систему землепользования. Больше того: представители Временного правительства в Казахстане продолжали байско-кулацкую политику в земельном вопросе, политику, которую особенно насаждали царские «усмирители» восстания 1916 года. Характерным актом аграрной политики Туркестанского комитета Временного правительства по Казахстану представляется постановление совещания членов этого комитета, Шкапского и Тынышпаева, совместно с уездными комиссарами Семиреченской области, подтверждавшее планы Куропаткина о выселении «мятежных киргиз» в Нарынский край²⁰. Это же совещание не только узаконило самовольные захваты русскими переселенцами казахских земель, но в свою очередь решило лучшие земли казахов — участников восстания — передать русским крестьянам и казакам (в Чуйско-Кебенском районе, в Атекинской и Сарыбагишевской волостях). Исходя из указания Министерства земледелия о неприкосновенности запасных государственных земель и оброчных статей, совещание постановило: «Запасные казённые участки и оброчные статьи в указанных районах (в Нарынском районе, загорных волостях Пишпекского уезда и др., куда решено было выселить казахов — М. К.) представляются во временное пользование возвращающихся безземельных киргиз... без права устройства на этих участках киргизами постоянных зимовок»²¹.

Эти и подобные действия Туркестанского комитета помогли «распоясаться» кулаку. Местный аппарат колониальной власти и русские кулаки ещё более рьяно стали отбирать земли казахов, лишали их права водопользования и грабили и разоряли казахов под знаком наказания местного населения за «мятеж» 1916 г. и возмещения материального ущерба (часто минного), понесённого «русским населением» в результате «киргизского беспорядка».

¹⁹ См. ЦАОР. Каз.ССР, ф. 4, оп. 2, д. № 64, л. 301.

²⁰ Там же, ф. 8, оп. 1, св. 1, д. № 32; дл. 17—21.

²¹ Там же

При этих условиях не нужно было много времени, чтобы казахские трудящиеся массы убедились в империалистической сущности политики Временного правительства. Верненский уездный комиссар Временного правительства в июле 1917 г. вынужден был признаться, что пренебрежение к элементарным человеческим правам казахов «вызывает у них недоверие к новому строю, к новым порядкам. У них и теперь, — писал он, — существует подозрение, что новый строй покровительственно относится только к русскому населению...»²². Тот же верненский комиссар писал, что «если не положить теперь же предел самоуправным обложениям, всем жестокостям, насилиям... то возможны организации разбойничьих, голодных банд киргиз. Такая возможность естественна. Возможность этого будет вызвана крайней озлобленностью, надвигающимся голодом, отсутствием всякого к ним человеческого сострадания»²³.

В проведении колонизаторско-аграрной политики в Казахстане огромную помощь русской империалистической буржуазии оказывали казахская национальная буржуазия, создавшая в это время свою политическую партию «Алаш» с её феодально-байской аграрной программой, а также мелкобуржуазные соглашательские партии, имевшие тогда ещё значительное влияние среди крестьян и скотоводов.

Основными вопросами для поднимающихся трудящихся масс казахских скотоводов и земледельцев являлись вопросы о земле и об устранении тяжёлого национального гнёта. В наказе казахского населения Сундукской волости, Кустанайского уезда, Тургайской области, принятом на волостном сходе 14 августа 1917 г. и направленном областному казахскому съезду, мы читаем: «1. Правление России должно быть федеративная демократическая республика... 3. Частная собственность на землю в пределах Российской республики должна быть отменена, и земля не может быть ни продаваема и ни покупаема 4. Все земли монастырские, казённые, церковные, удельные, кабинетные и помещичьи и вообще частновладельческие должны перейти в руки народа без всякого выкупа. 5. Все леса и природные богатства, находящиеся в недрах земли, по приговору учредительного собрания объявляются общенародным достоянием... 7. Землю получит только тот, кто её будет обрабатывать своими трудами и при помощи своей семьи или в товариществе»²⁴.

Февральская революция поставила аграрный вопрос во всей его остроте и перед русским трудовым крестьянством в Казахстане. «Земля должна принадлежать равно всем, кто хочет и может, трудясь, обрабатывать землю личным трудом, — требовали делегаты от крестьян Лепсинского уезда на Семиреченском областном съезде в июне 1917 г., — без найма, и поэтому требуем, чтобы вся земля была обращена в достояние трудового народа». В специальном представлении, сделанном делегатами областному съезду, говорилось: «Земля не должна быть предметом купли и продажи... Несостоятельным земледельцам, не имеющим инвентаря для обработки земли, оказать помощь со стороны государства выдачей долгосрочных ссуд за небольшой % из народных банков... должны быть немедленно образованы земельные комитеты для выяснения земельного вопроса»²⁵.

Правда, в приведённых документах сказывается влияние эсеровской аграрной программы, но даже под прикрытием эсеровской фразеологии достаточно ярко выступает стремление трудовых масс аула и переселенческой деревни радикально решить земельный вопрос.

²² ЦАОР КазССР, фонд комиссара Временного правительства Семиреченской области 1917 г., д. № 218, л. 87.

²³ Там же.

²⁴ Там же, ф. 544, оп. 2, д. № 43, л. 97.

²⁵ Там же, ф. 9/с оп. 1, д. № 128, чл. 33—35.

Пришибленные жестоким поражением восстания 1916 г. и попавшие в кулацко-байскую кабалу трудовые массы крестьян и скотоводов были ещё весьма робки в борьбе за землю. И тем не менее дехканско-демократическое движение в период после февральской революции становилось всё более зрелым. Об этом свидетельствует факт появления в этот период политических организаций казахской бедноты с революционно-демократическими программами. Так, в мае 1917 г. в Пишпеке возник союз бедноты — «Букара», а в Аулиеатинском уезде был создан «союз революционной киргизской молодёжи», который действовал под руководством местных большевиков. В северных областях Казахстана в период после февральской революции возникла «Социалистическая киргизская партия «Уш-Жуз», которая одной из главных своих задач ставила борьбу против буржуазно-националистической партии «Алаш». К этому же времени относится возникновение в ряде мест Казахстана организаций большевиков, которые начали воспитывать эксплуатируемые массы в духе революционной борьбы (главным образом в Семиреченской и Тургайской областях). Большевистские партийные организации создавались пока что в городах и состояли преимущественно из русских солдат местных гарнизонов, рабочих транспорта и др. Влияние большевиков на массы росло. Представители Временного правительства прилагали все усилия, чтобы парализовать это влияние, прибегая при этом к жестоким насилиям против большевиков. Токмакский уездный комиссар в телеграмме комиссару Семиреченской области от 8 октября 1917 г. писал: в «...Токмаке не спокойно, развивается агитация большевиков, нужна поддержка, очень прошу выслать казаков»²⁶. Но никакие репрессивные меры не могли предотвратить распространение большевистских идей и рост их влияния. В отдельных случаях большевики организовали открытые выступления против власти Временного правительства. Так, в июле 1917 г. в Лепсинске вспыхнуло восстание под руководством большевика Дехтярёва. Об усилении влияния большевиков на казахские массы и противодействии этому со стороны националистической буржуазии свидетельствует весьма характерное постановление Съезда членов Иргизского уездного комитета, Тургайской области, (алаш-ордынского по составу), от 3 августа 1917 г. по поводу заявления большевика Джангильдина (будущего комиссара Киргизского края) о предоставлении «ему слова по текущим вопросам программы съезда». Оно гласит: «Заявление Джангильдина оставить без удовлетворения, лишить его права участия на заседаниях даже с правом совещательного голоса»²⁷. Причина недопущения Джангильдина на съезд состояла в том, что он прибыл в Тургайскую область «на пропаганду и агитацию... революционных идей»²⁸.

При всём этом, однако, трудящиеся массы Казахстана не в состоянии были самостоятельно, без внешней инициативы и помощи, совершить революцию против своих классовых и национальных врагов. Русский пролетариат, осуществивший Октябрьский переворот, создал самое главное условие для начала и победоносного завершения национально-освободительного и дехканско-демократического движения казахского народа.

Октябрьский переворот ознаменовал собой новый этап в истории освободительной борьбы казахского народа. Он вызвал широкую волну национально-освободительного и крестьянско-демократического движения в Казахстане, направленного против классового и национального гнёта.

²⁶ ЦАОР КазССР, ф. 544, оп. 4, л. № 87, л. 55.

²⁷ Там же, оп. 1, д. № 2, л. 125.

²⁸ Там же.

Одна из особенностей Октябрьской революции состояла в том, что она, решая свои коренные задачи пролетарской революции, «походя и мимоходом» решала и задачи, незавершённые буржуазно-демократической революцией. Для колониальных народов России особенно большое значение имело разрешение в ходе пролетарской революции таких демократических задач, как национальное равноправие, вопрос о земле и мире. «Мир, аграрный переворот и свобода национальностей — таковы три основных момента, собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России»²⁹.

Октябрьская революция в Казахстане представляла собой соединение в один общий поток начатой в центре пролетарской революции с национально-освободительным и аграрно-крестьянским движением, поднятым казахским народом против русских колонизаторов и «своих» феодально-байских верхов. В условиях Казахстана, который в своём экономическом развитии находился на докапиталистической стадии, и где почти отсутствовал свой рабочий класс, главную (внутреннюю) движущую силу советской революции составляли дехканско-скотоводческие массы, выступавшие в первую очередь под влиянием примера русских рабочих, солдат и деревенской бедноты самого Казахстана и всей страны.

Русские солдаты из центра ещё в период после февральской революции выступали здесь в роли признанных защитников казахской бедноты. «Считаем, что замена, — писала группа казахских депутатов Пржевальского уезда на краевом крестьянском съезде в июле 1917 г., — российских солдат семиреченскими вызовет эмиграцию многих мусульман»³⁰.

Активное участие трудовых казахских масс в революции было обусловлено прежде всего стремлением их к справедливому, демократическому разрешению аграрного вопроса. Сама Октябрьская революция ими была воспринята как «всероссийское крестьянское движение большевиков»³¹. Такое представление о социалистической революции являлось результатом политической незрелости трудовых низов аула, но вместе с тем вполне соответствовало самым сокровенным их чаяниям. Особенно большое значение для дальнейшего развития аграрно-революционного движения среди казахов имели земельные законы пролетарского государства и прежде всего принятый II всероссийским съездом Советов декрет о земле.

Незавершённая февральской революцией буржуазно-демократическая задача аграрного переворота, поставленная на окончательное разрешение социалистической революцией, особенно была близка и понятна массам трудового дехканства. Поэтому «Декрет о земле» имел огромный резонанс в казахской степи и вызвал там подъём аграрно-дехканского революционного движения.

После февральской революции в ряде мест Казахстана так же, как и в центре России, установилось двоевластие. Там, где в руководстве Советов находились революционные представители, в связи с Октябрьским переворотом создавалось единовластие Советов. Последние захватывали власть в свои руки и объявляли существующими вне закона те или иные органы власти Временного правительства.

В течение декабря 1917 г. — марта 1918 г. в Казахстане почти повсеместно была свергнута власть Временного правительства и его придатков — «Комитетов общественного спасения», «Алаш-Орды». Созданы были местные Советы. (Создание единой централизованной власти Советов относится к октябрю 1920 года.)

²⁹ И. Сталин. Соч. Т. V, стр. 113.

³⁰ Партархив при ЦК КП(б) КазССР, ф. 8, оп. I, д. № 32, л. 22.

³¹ ЦАОР., ф. 53, оп. 3, д. № 20, л. 17.

11 января 1918 г. Актюбинский исполком советов рабочих солдатских депутатов, «взавший всю полноту власти в г. Актюбинске», заявлял в своём предписании, что он «предлагает Комитету спасения родины и революции сложить с себя все полномочия и немедленно сдать делопроизводство, если таковое имеется»³². Павлодарский уездный комиссар в телеграмме на имя Семипалатинского областного комиссара Временного правительства от 27 января 1918 г. сообщал, что «Совдеп не признаёт сибирского правительства, его ставленников, объявив себя законной государственной властью, угрожает оружием противникам его»³³. А через день об аналогичном факте сообщал Павлодарский городской комиссар: «Совдеп окончательно захватил в городе власть, противодействовать чему я не имею возможности, так как гарнизон на стороне совдепа. Казаки держат нейтралитет. Объявление города на военном положении беспредельно, так как оно совершенно невыполнимо»³⁴. В начале января 1918 г. «Президиум Омского совета рабочих и солдатских депутатов отстранил от должности комиссара Временного правительства и образовал Временный комиссариат по управлению Степным краем и Акмолинской областью... Вступая во временное управление, комиссариат Степного края и Акмолинской области обращается к Советам на местах брать власть в свои руки»³⁵.

15 февраля 1918 г. Семипалатинский уездный «Совет крестьянских, киргизских и рабочих депутатов», взяв власть в свои руки, обратился к казахскому населению Семипалатинской области с воззванием, в котором говорилось: «Исполняя волю трудового революционного народа, Совет рабочих и солдатских депутатов сегодня принял на себя всю власть по управлению городом и областью, вошедшей в состав Российской советской федеративной республики. Объявляя об этом, Совет призывает все учреждения, предприятия и всех граждан к подчинению советской власти»³⁶. Вслед за этим началось свержение власти Временного правительства в уездах области. Уже 20 февраля Зайсанский Совдеп провозгласил: «Зайсанский Совдеп Кредеп отвергают Семипалатинскую сепаратную власть и встали. Присоединяемся Всероссийскому Крестьянскому движению большевиков. Мужайтесь, крепитесь, доводите дело освобождения труда народа до конца»³⁷.

Подобным образом поступали и многие другие местные Советы, представлявшие главным образом русское население.

В областях, где преобладало казахское население и где существовала власть национальной буржуазии, установление власти Советов было связано также и со свержением власти Алаш-Орды.

Ещё 2 декабря 1917 г. в посёлке Ханская ставка представители «разных частей киргизской степи и посёлка Ханской ставки... для сохранения завоеваний революции и свободы» образовали Революционный Комитет в составе 8 казахов и 7 русских. Этот Комитет на другой же день специальным постановлением распустил «Киргизский Центральный Исполнительный Комитет» (Алаш-Ордынский) и «Комиссариат Временного правительства».

Советы, возникавшие на первых порах революции в Казахстане, в своём большинстве не были ещё большевистскими и отнюдь не отличались последовательностью своей политики. Но тем не менее эти Советы сыграли свою роль в борьбе трудовых масс с империалистической и националистической буржуазией в разрешении насущных задач общедемократического движения и в упрочении советской власти в центре

³² ЦАОР КазССР, ф. 544, оп. 2, д. № 37, л. 211.

³³ Там же, д. № 44, л. 16.

³⁴ Там же, л. 230.

³⁵ Там же, л. № 74, л. 117.

³⁶ Там же, д. № 116, л. 302.

³⁷ Там же, ф. 5 эс, оп. 3, л. № 20, л. 217.

страны. Свергая власть русско-империалистической и казахской националистической буржуазии, трудовые крестьянско-дехканские массы добивались установления новой власти, способной в первую очередь разрешить аграрный вопрос «в соответствии с интересами народа». Об этом свидетельствуют указы аульных сходов своим делегатам на «большевистские учредительные съезды Советов», постановления этих съездов, а также многочисленные приговоры по земельно-водному вопросу, принимавшиеся самим трудовым населением.

Так, в постановлении вышеуказанного съезда представителей посёлка Ханская ставка разных частей Киргизской степи от 2 декабря 1917 г. в качестве центральных пунктов обвинения против прежней власти и «стоявших у власти лиц» были выдвинуты следующие пункты: нерешённость земельного вопроса, продовольственный кризис, развитие спекуляции, усиление конокрадства и общей преступности, злоупотребления при выборах в земскую управу и Учредительное собрание³⁸.

Весьма характерно постановление крестьянского и киргизского съезда Кустайского уезда, Тургайской области, состоявшегося 15 — 16 января 1918 года. «Обсудив вопрос об отношении к советской власти, — читаем мы в этом постановлении, — крестьянско-киргизский съезд приветствует разрыв трудового народа с буржуазией и переход власти в руки Советов рабочих и солдатских, крестьянских и киргизских депутатов, ибо только такая власть может осуществить требования народа, т. е. переход земли в руки трудового народа без выкупа...»³⁹.

Актюбинский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и мусульманских депутатов, состоявшийся в марте 1918 г., вынес следующее постановление по земельному вопросу: «Все земли согласно постановления съезда Советов Р. и Солд. депутатов от 26 октября 1917 г. переходят в пользование трудящихся на них без различия национальности»⁴⁰. Аналогичные постановления выносились областными и уездными съездами Советов и других мест. Эти постановления отражали настроения безземельных и малоземельных крестьян и скотоводов, которые в своих аграрных требованиях шли впереди других слоёв населения. Для бедноты в рассматриваемый период характерно и то, что она без прежней робости стала открыто и настойчиво выступать против кулацко-байско-земельной собственности. Казахские бедняки Копальского уезда в специальном письме областному Совету, указав на существующее несправедливое положение в землепользовании, на огромные размеры земель, принадлежащих «буржуям» — кулакам и баям, — требовали конфискации этих «нечестным путём приобретённых» собственности. «Просим также, — писали они, — Комиссара земледелия все имеющиеся пахотные земли как у граждан русских, так и киргиз-буржуев в больших количествах нам киргизам трудовикам разрешить пользоваться для посевов с осени 1918 года»⁴¹.

Таковы были требования дехканско-крестьянских масс в период Октябрьской революции. Но это пока были только постановления и требования. Трудовые массы дехканства, как более отсталые по сравнению с русским крестьянством, ещё не стали на путь открытых выступлений против кулаков и байско-манапских элементов, пробравшихся к руководству органами местной власти и оказавших отчаянное сопротивление проведению в жизнь советских декретов о земле.

Аграрная политика Советов и активность трудовых низов аула вызвали отчаянное сопротивление со стороны баев и кулаков.

³⁸ ЦАОР КазССР, ф. 544, оп. 2, л. 1.

³⁹ Там же, д. № 154, л. 22.

⁴⁰ Там же, д. № 55, л. 27.

⁴¹ Там же, д. № 66, л. 128.

Байско-кулацкие верхи имели основательные причины для того, чтобы противодействовать распространению пролетарской революции в казахской степи и бороться против установления там власти рабочих и крестьян. Если кулаки-переселенцы после февральской революции стали ещё более открыто грабить и притеснять казахскую бедноту, то байско-манапская верхушка значительно укрепила свои экономические позиции и политическое влияние в ауле. Разорённые и очутившиеся в результате пережитых ими стихийных и социальных бедствий в безвыходном положении, бедняки шли к «своим» баям на милость» — нанимались в батраки, закладывали под хлеб земли и остатки своего имущества, продавали своих детей, — а сами становились вечно зависимыми от «облагодетельствовавших» их баев. В 1917 г. в Семиречье баи «отпускали в кредит хлеб» голодающим своим сородичам по цене, в 7—8 раз превышавшей рыночную цену⁴². Сплошь да рядом разорившиеся бедняки «работали у баев бесплатно, лишь бы прокормиться во время работы»⁴³.

Кулацко-байская контрреволюция, начавшаяся в первые же дни установления советской власти на местах, проявлялась в разнообразных формах и приёмах — от «политической мимикрии» до вооружённого восстания. Байско-манапские верхи боролись прежде всего за установление своего засилия в органах советской власти и за подчинение своему влиянию широких скотоводческих масс. В условиях чрезвычайной отсталости последних и ещё слабого влияния на них со стороны большевиков байской верхушке это нередко и удавалось. «Темнота и невежество мусульманских масс, — читаем мы в одном из документов Туркфронта, относящихся к 1920 г., — дают возможность манапам и баям до сих пор сохранять обаяние своего могущества. Насколько велико влияние баев, указывает хотя бы тот факт, что когда в Беловодске был организован митинг для мусульман и в заключение предлагалась по докладу резолюция, то при голосовании ни один мусульманин руки не поднял, когда же один из баев поднял руку, сказав «якши», вся остальная масса в знак солидарности также подняла руки»⁴⁴.

При таком положении вещей нет ничего удивительного, что в первое время в руководстве Советов сплошь да рядом оказывались баи — притеснители бедноты.

В районах русской колонизации кулачество, относясь до крайности враждебно к идее советской революции, прежде всего предприняло отчаянную попытку «уложить» её в рамки февральской революции. Оно развило бешеную активность при выборах в Советы, образовании исполнительных комитетов и других руководящих органов советской власти на местах.

В ряде уездов Семиреченской области ещё в середине 1918 г., на основании постановлений уездных съездов Советов, начали проводить «земельную реформу», но в тех уездах, где в Советах засели кулаки (например в Аулие-Атинском и Черняевском уездах), эта «реформа» проводилась под лозунгом «Земля, луга и клеверники того, кто не может обработать или плохо обрабатывает, тому, кто может обработать или лучше обработать»⁴⁵.

Особенно решительное сопротивление кулачество оказывало мероприятиям советской власти там, где оно получило «эсеровское воспитание» и действовало под эсеровским руководством. Этому способствовало то, что партия эсеров в период установления советской власти в Казахстане занимала там положение одной из «двух доминирующих

⁴² ЦАОР КазССР, д. № 97, л. 63

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, д. № 22, л. 56.

⁴⁵ Там же, д. № 8, л. 9.

партий» и наряду с большевистской партией считалась «правительственной». Эсеры, объявив себя «левыми», формально признали советскую революцию, однако они не отказались и не думали отказываться от своей программы. Там, где было слабо влияние на трудящиеся массы со стороны большевиков, где эсеры чувствовали прочность своего положения и силу влияния, они действовали открыто, не прикрываясь лозунгом о «защите» диктатуры пролетариата.

По мере роста активности трудящихся низов и успеха советского движения в ауле, кулацко-байская контрреволюция от мирного противодействия политическим и аграрным мероприятиям Советов переходила к открытым, вооружённым антисоветским выступлениям. В Казахстане в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны имело место немало кулацко-байских выступлений.

Ожесточённость антисоветского кулацко-байского сопротивления в значительной мере объяснялась близостью к Казахстану и наличием на его территории очагов российской контрреволюции: Дутова, Колчака, Аненкова и др.

Наиболее типичными кулацко-байскими вооружёнными выступлениями против советской власти были: восстание в селе Дмитриевке, Аулие-Атинского уезда (лето 1918 г.), эсерово-кулацкое восстание в селе Беловодске, Пишпекского уезда (конец 1918 г.), белогвардейско-кулацкое восстание в Верном (лето 1920 г.).

Вдохновителем борьбы против советской власти и её аграрной политики среди казахского населения являлась контрреволюционная национальная буржуазия. После образования в период февральской революции своей политической партии она начала борьбу за создание национального буржуазного государства. Непосредственно после октябрьского переворота в декабре 1917 г. казахская национальная буржуазия на своём съезде в Оренбурге постановила «образовать территориально-национальную автономию казах-киргизских областей» («Алаш»). В качестве исполнительного органа власти этой автономии был выбран «Народный Совет» («Алаш-Орда»), который и взял «в свои руки» всю исполнительную власть над казах-киргизским населением⁴⁶. Главную задачу «Алаш-Орды» её организаторы усматривали в борьбе против большевиков и Октябрьской революции. В своей аграрной политике «Алаш-Орда» представляла интересы байства. Даже в чисто декларативно-демагогической программе этой партии отдельные пункты были сформулированы в духе байских требований. «Пользование землёй вообще, — говорилось в ней, — должно происходить так, чтобы районные и аульные общества пользовались землёй родами, а не отдельными семействами»⁴⁷, т. е. казахская национальная буржуазия имела в виду укрепление архаической родовой системы землепользования, которая была выгодна байско-манапской родовой верхушке и разорительна для широких слоёв бедноты.

Казахская национальная буржуазия в земельном вопросе подчинилась колонизаторской аграрной политике белогвардейского «Сибирского правительства» и проводила в ауле политику прежних притеснений и грабежа казахской бедноты. Так, по договору, подписанному между «Сибирским правительством» и «Алаш-Ордой» в августе 1918 г., последнее соглашается сохранить все существующие органы старой власти — земство, городские думы, — «под контролем комиссаров, назначенных Сибирским правительством», признаёт подчинение всех государственных учреждений на территории «Алаш» распоряжениям «Сибирского правительства». Согласно же закону о земле, изданному «Сибирским прави-

⁴⁶ ЦАОР КазССР, д. № 122, л. 28.

⁴⁷ Там же, л. 29.

тельством», местные органы Алаш-Орды были лишены «права решать вопросы землепользования»⁴⁸.

Алаш-Орда проводила и разорительную налоговую политику. Трудовое дехканство должно было платить покибиточный сторублёвый сбор, установленный вместо подоходного налога. Этот сбор, служивший основным источником дохода правительства Алаш-Орды, ложился тяжёлым бременем на плечи трудящихся масс аула. При взимании его «народное» правительство действовало не менее жестоко и алчно, чем прежний колониальный аппарат царизма. Председатель Алаш-Орды Букейханов в июле 1918 г. в своих телеграммных предписаниях местным советам Алаш-Орды повелевал последним: «Незамедлительно приступить к сбору налогов за 1917 и 1918 годы»⁴⁹, т. е. налоги взимались даже за тот год (1917), когда Алаш-Орды ещё не существовало. Помимо постоянного покибиточного сбора население платило «разовые взносы по обложению» на различного рода «чрезвычайные нужды правительства». Эти «чрезвычайные нужды» были весьма велики: только на организацию «народной милиции» понадобилось около 69 млн. рублей. Не довольствуясь «законными» поборами, органы Алаш-Орды и их вооружённые отряды совершали открытые грабежи трудящегося населения. При этом они особенно свирепствовали против населения, сочувственно относившегося к советской власти и поддерживавшего её политику. Когда летом 1919 г. Алаш-Орда путём контрреволюционного переворота захватила власть в Тургае, то многочисленные её вооружённые отряды ринулись в аулы уезда, чтобы поживиться за счёт грабежа населения. «Эти отряды почти буквально ограбили всех бывших на стороне советской власти киргиз, обложили их разными поборами и собрали с каждой волости по пятисот голов крупного скота как для себя, так и для белых, которым они всячески старались услужить»⁵⁰.

Естественно, что, жестоко обманутые в своей вере в Алаш-Орду, трудящиеся массы стали отходить от неё. Больше того: они начали открытую борьбу против своего «национального» правительства и атаковали его изнутри.

Таким образом, вокруг аграрного вопроса в период Октябрьской революции в ауле шла смертельная борьба между различными антагонистическими слоями населения. Характер и степень остроты этой борьбы находились в прямой зависимости от характера аграрных мероприятий Советов на местах. В истории аграрной политики советской власти в Казахстане на первом этапе революции нужно установить два периода: первый период (1918—1920 гг.), когда ещё не было единой аграрной политики, исходящей от централизованной власти в Казахстане и обязательной для всех местных Советов, когда органы советской власти на местах в основном по собственной инициативе и по своему усмотрению проводили мероприятия по земельному вопросу, и второй период (1920—1921 гг.), когда в крае была создана централизованная власть, когда аграрная политика начала осуществляться на основе общего советского земельного законодательства и когда аграрная реформа начала проводиться в широком плане.

Аграрная политика советской власти прежде всего была направлена против колонизаторства. Одним из первых революционных актов Советов в Казахстане был декрет Совнаркома Туркеспублики от 3 января 1918 г. о ликвидации переселенческих организаций в крае. Он гласит: «Ввиду того, что деятельность переселенческих организаций не отвечает нуждам сельского населения... все переселенческие организации в крае упраздняются»⁵¹.

⁴⁸ ЦАОР КазССР, св. 7, д. № 78, л. 17.

⁴⁹ Там же, ф. 544, оп. 2, д. № 156, л. 38.

⁵⁰ Там же, д. № 148, л. 13.

⁵¹ «Наша газета» от 5 января 1918 года.

Одно из первых мероприятий местных Советов — это также замена переселенческих учреждений на местах советскими земельными органами, которые были призваны ликвидировать последствия колониальной аграрной политики царизма в Казахстане. В результате аграрных мероприятий, принятых Советами в течение первого периода, были ликвидированы переселенческие учреждения и взамен их созданы земельно-водные комитеты при Советах, было упразднено правовое неравенство между русскими переселенцами и местным населением в области землепользования и в значительной мере было обуздано кулачество. Однако во всём остальном аграрный вопрос в этот период не претерпел ещё существенных изменений.

Такое отставание советской революции в Казахстане от развития Октябрьской социалистической революции в передовых районах России объяснялось, во-первых, серьёзными историческими причинами: отсталостью казахского народа, отсутствием пролетарской прослойки и в связи с этим слабостью большевистского влияния на трудовые казахские массы, наличием засилья кулаков и баев, влиянием националистов и эсеров, во-вторых, обстоятельствами временного порядка: сосредоточением в пределах Казахстана огромных сил российской контрреволюции и колоссальными хозяйственными трудностями, пережитыми краем в период Октябрьской революции и гражданской войны, не позволившими органам советской власти по-настоящему приступить к осуществлению советской программы.

Вторая половина 1920 г. ознаменовалась крутым поворотом в развитии советской революции в Казахстане и полным подавлением казачье-белогвардейской контрреволюции, разгромом буржуазно-националистических и кулацких мятежей и образованием централизованной власти Советов — Автономной Казахской Республики. С этого времени началась новая фаза и в развитии аграрной политики советской власти в Казахстане. Исходным моментом явились девятый съезд Советов Туркестанской республики (19—25 сентября 1920 г.) и Учредительный съезд Кирреспублики (1 октября 1920 г.). В основу работ обоих этих съездов легло специальное решение Центрального Комитета РКП(б) о задачах партии в Туркестане (29 июня 1920 г.). Постановление ЦК нацелило партийные организации Казахстана на перелом в советском и партийном строительстве и в аграрной политике. Основными и важнейшими задачами партии в Туркестане ЦК РКП(б) признал ликвидацию отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате 50 с лишком лет империалистической политики самодержавия, и ликвидацию патриархально-феодалного наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения...

В целях ликвидации указанных отношений ЦК РКП(б) предлагал срочно принять следующие меры: отобрать у переселенцев киргизских районов земли, запроектированные переселенческим управлением или самовольно отобранные переселенцами у киргизов, предоставив переселенцам участки в размере трудового надела. «Изъятые земли обратить в фонд наделения киргизских обществ, артелей и отдельных лиц для обоснования на них киргиз и дунган-беженцев после разгрома 1916 года. В основу наделения земледельческих туземных хозяйств положить принцип уравнивания их с русскими крестьянами. Кочевому хозяйству предоставить не только кочевье, но и пашню, обеспечивающую переход к оседлому земледельческому хозяйству. Переход к земледельческому хозяйству проводить при поддержке государственных субсидий, агрономической помощи и т. п. Обеспечить землёй безземельных дехкан. Разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой-либо возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на местное строительство путём широко применяемой системы реэмиграции».

Таким образом, Центральный Комитет РКП(б) определил направление аграрной политики советской власти в Средней Азии и указал практические мероприятия, которые должны были обеспечить её успешное осуществление. Было дано также указание взять твёрдый курс на всемерное вовлечение в советскую работу местного населения и разрешение нужд трудящихся масс аула. Учредительный съезд Кирреспублики принял следующую резолюцию по земельному вопросу:

«1) В основу землеустройства в КССР положить общие принципы «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому землепользованию» с внесением в него дополнений и изменений, вызываемых местными бытовыми хозяйственными условиями и особенностями местного землепользования. 2) Для искоренения всех остатков колонизаторской политики царского правительства и ликвидации всех порождённых ею несправедливостей приступить немедленно к землеустройству всего земледельческого и скотоводческого населения и к переустройству крестьянского, казачьего и оседлого киргизского населения, соблюдая интересы всех трудовых хозяйств. 3) При проведении землеустройства в первую очередь приступить к уничтожению чересполосицы между общинной и между волостной землёй, дабы обеспечить возможность перехода кочевому и полукочевому населению к оседлому образу жизни. 4) Обеспечить за кочевым и полукочевым населением возможность ведения хозяйства... на трудовых началах, выделяя для этой цели кочевые пути и летовки, устраняющие столкновения интересов кочевников с оседлым населением... 5) Необходимо в районах вольного общинного землепользования отменить все существующие формы землепользования и на переходный период для единоличных хозяйств сохранить те из них, которые обеспечивают наиболее лёгкий и свободный переход к обобществлению сельского хозяйства и к социалистическому земледелию и скотоводству, устраняя в то же время возможность использования земельных угодий хозяйствами наиболее сильных групп, за счёт слабых...»⁵²

Это постановление наряду с декретом о земельной реформе, принятым IX съездом Турккеспублики, легло в основу практических аграрных мероприятий Советов в Казахстане в период 1920—1921 годов.

В развитие декрета о земельной реформе и в порядке его реализации ТуркЦИК 17 ноября 1920 г. утвердил новое Положение о землепользовании в Семиреченской области, в котором был признан принцип обработки земли личным трудом. Туркестанское бюро РКП(б) в письме ко всем организациям КПТ 18 декабря 1920 г. в качестве первоочередной задачи партийных организаций в казахских районах выдвинуло возвращение казахской бедноте земель, захваченных во время восстания 1916 г., и указало на политическую важность привлечения казахских трудящихся масс к советскому и партийному строительству.

14 декабря ЦИК Турккеспублики издал декрет о землеустройстве кочевников, переселенческих посёлков и казахских станиц. Декрет предусматривал перераспределение земель переселенцев и казаков на основе принципа трудовой нормы, водворение на свои прежние места жительства казахских беженцев, вернувшихся из Китая, с возвращением им прежних наделов. Рассматривая оседлое устройство казахских кочевников как одну из важнейших задач аграрной политики, ЦИК Турккеспублики создал фонд для устройства оседающих кочевников из нетронутых земель. Кочевникам, переходящим к оседлому образу жизни, предоставлялось право получения земли при условии обработки её личным трудом. На основе этого декрета Семиреченский областной ревком 12 февраля 1921 г. издал земельный закон о возврате казахской, таран-

⁵² ЦАОР. КазССР, ф. 74, оп. 3, д. № 13, л. 68.

чинской и дунганской бедноте земель, захваченных в период 1916—1921 годов.

ЦИК Кирреспублики, исходя из постановления учредительного съезда Советов, в свою очередь предпринял ряд мероприятий по земельной реформе, направленных главным образом на ликвидацию остатков колонизаторства. В декабре 1920 г. им был издан декрет о возврате трудовому казахскому населению его земельных угодий, самовольно захваченных другими, в котором говорилось: «1. Пашни, полосы, пастбища, водопой, кочевые пути, бывшие до февральской революции в пользовании трудового киргизского населения, кем бы они ни были незаконно изъяты или самовольно захвачены, возвращаются трудовому киргизскому населению... 4. Угодья, освобождённые от захвата по настоящему декрету, распределяются водземотделами, с соблюдением в первую очередь интересов трудового киргизского хозяйства, у которого угодья были захвачены. 5. С опубликованием настоящего декрета отменяются все распоряжения и приказы бывшего Кирвоенревкома, местных губисполкомов, касающиеся захвата киргизских земель»⁵³.

Вслед за этим декретом в феврале 1921 г. был издан другой декрет — «Декрет о возврате киргизскому трудовому населению земель, отчуждённых царским правительством в собственность: а) Сибирскому казачьему войску, б) Уральскому казачьему войску из киргизских земель». Приводим основные пункты этого декрета:

«1. Десятивёрстная полоса, расположенная по левому берегу Иртыша в пределах Усть-Каменогорского, Семипалатинского, Павлодарского уездов Семипалатинской губернии, Омского и Петропавловского уездов Акмолинской губернии и по южной стороне старого тракта — станции Звериноголовская, Петропавловск, Омск и Акмолинской губернии, — переданная... в собственность Сибирскому казачьему войску, возвращается трудовому киргизскому населению, издавна живущему на десятивёрстной полосе, арендовавшему её у Сибирского казачьего войска.

2. Согласно резолюции первой сессии Киргизского центрального исполнительного комитета возвращается киргизскому трудовому населению левобережная полоса реки Урал в пределах Уральской губернии, в 1882 году царским правительством отчуждённая из земель трудового киргизского населения и переданная в собственность Уральскому казачьему войску. 3. Частновладельческие хозяйства, находящиеся на офицерских и войсковых участках в пределах десятивёрстной полосы (ст. 1) на правах собственности долгосрочной аренды, временно, до социалистического землеустройства, сохраняются и пользуются наделом, равным норме юртового надела соседней ближайшей станицы... 5. Оказавшиеся излишки возвращаются в пользование трудового киргизского населения. 6. Кирнаркомзему поручается ввести в план первоочерёдных землеустроительных работ по устройству киргизской бедноты работы на десятивёрстной левобережной полосе р. Урала (ст. ст. 1 и 2). 7. Кирнаркомзему поручается в спешном порядке издать временную инструкцию для руководства местных земорганов при распределении с.-х. угодий (ст. ст. 1 и 2) между киргизским трудовым населением, живущим на десятивёрстной полосе по р. Иртыш и левобережной р. Урал.

8. До социалистического землеустройства на вышеуказанных районах (ст. ст. 1 и 2) под контролем Уземотделов, водземотделы ведают распределением сельскохозяйственных угодий (лугов, пашен, пастбищ, водопоев), в первую очередь соблюдая интересы трудового киргизского населения»⁵⁴.

Основываясь на этих директивных документах центральных органов советской власти в Казахстане, местные Советы начали более после-

⁵³ ЦАОР КазССР, ф. 74, оп. 3, д. № 2, л. 55.

⁵⁴ Там же, д. № 2, лл. 55—56.

довательно решать свои непосредственные задачи земельной политики. В южных областях Казахстана самой боевой задачей были ликвидация «самовольнических хозяйств» и возвращение казахам отобранной у них земли. Причём «самовольцы» делились на две группы: на «самовольцев», захвативших казахские земли при наличии своих наделов в «интересах кулацких стремлений», и на «самовольцев-переселенцев», не имевших к моменту захвата своего надела. Если первые подлежали безоговорочному и безусловному выселению, то вторые должны были быть выселены из «самовольнических» посёлков с водворением и устройством их в старожильческие посёлки. Местные Советы обязаны были проявлять заботу об организации жизни как казахов, возвращающихся на свои места, так и русских безземельных крестьян, выселяемых с этих мест. Насколько была важна и сложна эта задача, можно судить по телеграфной директиве Семиреченского областного ревкома всем уездным ревкомам от 19 мая 1921 г., в которой говорилось: «Одной из ударных задач по земреформе в Семиречье в данный момент, — является экономическое культурное политическое укрепление новосёлов-киргиз, занявших посёлки, освобождённые самовольцами, и самовольцев, вселённых в старожильческие посёлки. Первые во многих случаях не умеют регулировать свои хозяйственные акты, вторые устроены спешно, неорганизованно, путём уплотнения. В том и другом случае без помощи руководства и участия аппаратов соввласти, без своевременной организации и помощи дело может кончиться печально. Устройство самовольцев новосёлов-киргиз — такое задание дайте Уземстройкам, Уземотделам. Предсемиороревкома Джандосов»⁵⁵. В результате ударно проведённых мероприятий по Семиреченской области к середине 1921 г. было ликвидировано уже около 60 самовольнических посёлков, свыше 200 хуторов и зимовок⁵⁶. То, что не было даже начато в течение двух с половиной предыдущих лет, было сделано теперь за полгода.

По данным, сообщённым Четвёртому Алма-Атинскому уездному съезду Советов (октябрь 1921 г.), по названному уезду было отобрано около 4 тыс. десятин захваченных русскими земель и возвращено казахам⁵⁷. По всей Семиреченской области получило землю за счёт переселенческого кулачества свыше 25 тыс. безземельных бедняков.

В северных областях Казахстана (Акмолинской, Уральской) первоочередные мероприятия были направлены на устройство казахской бедноты на десятивёрстной полосе по левому берегу р. Урала и по р. Иртышу, возвращённой декретом ЦИК Киргизской республики местному населению.

Одной из основных и важнейших задач аграрной политики Советов в Казахстане являлся также перевод кочевников в оседлое состояние. Решая эту давно назревшую задачу, органы советской власти исходили из того, что «главным средством экономического укрепления киргиз является перевод их на оседло-земледельческое положение»⁵⁸. Для того чтобы стимулировать оседание и закрепить хозяйства, перешедшие в оседлое состояние, создавались специальные фонды земли и сельскохозяйственного инвентаря, денежный фонд для финансовой помощи оседающим беднякам; «...в местах зарождающихся оседлых сельскохозяйственных объединений сосредотачивались культурно-просветительные и административно-политические учреждения; в районы оседания кочевников переносились рынки, создавались там организации распределения и обмена и т. д.»⁵⁹.

О характере и направлении земельных мероприятий, проводимых

⁵⁵ ЦАОР, КазССР, ф. 4, оп. I, св. 16, д. № 156, л. 239, т-ма 2049.

⁵⁶ Там же, ф. 544, оп. 2, д. № 47, л. 114.

⁵⁷ Там же, ф. 4, оп. I, д. № 122, л. 607.

⁵⁸ Там же, ф. 10, оп. I, д. № 131, л. 70.

⁵⁹ Там же, ф. 10, оп. I, св. 11, д. 131, л. 179.

Советами на местах, можно судить по следующему типичному документу — отчёту о деятельности Верненского уездного подотдела землеустройства за 1921 г., в котором говорилось: «...В пределах уезда переданы в распоряжение коренного туземного населения (батракам) следующие площади: на уроч. Восточное-Каргалы — 200 дес., в селе Самсоновском — 200 дес., нетрудовых заимок — 433, освобождено самовольно захваченных земель ниже сел. Купластовского — 20 дес., хуторских участков при течении реки Аксая и Каскеленки — 500 дес. и в окрестностях станиц Талгара и Иссык — 270 дес. Устроены артели батраков на землях русского населения на 600 десятинах и переданы земли сельскохозяйственной школе 400 дес. Всего передано батракам 2923 десятины. Устроено семейств батраков — 518 с общим числом людей в 3106»⁶⁰. Кроме того отдельные семейства и группы батраков были снабжены семенным материалом; в пригородной полосе было выдано на обсеменение: пшеницы — 7766 пудов, овса — 250 пудов, ячменя — 250 пудов, проса — 752 пуда, льна — 50 пудов, горчицы — 50 пудов. В порядке оказания помощи батракам на время весенних полевых работ было предоставлено 45 лошадей⁶¹.

Семиреченский областной комитет партии в мае 1920 г. сообщал: «Общее явление для всей области — киргизские батраки на 70—80% получили временные или постоянные наделы и осели на землю»⁶².

Таким образом, в практическом разрешении ряда жизненно важных задач, связанных с земельным вопросом, в рассматриваемый период были достигнуты значительные успехи. Именно в этот период был нанесён серьёзный удар по колонизаторству, в основном было ликвидировано засилье переселенческого кулачества, были возвращены на свои исконные земли казахи и тем самым была подорвана экономическая основа былого национального неравенства.

Одним из существенных элементов аграрной политики этого периода являлись также начатые на местах с первых же дней существования Советов мероприятия по созданию в ауле колхозов. Создавая объединения беднейших хозяйств, Советы преследовали двоякую цель: избавление разорившейся бедноты от эксплуатации со стороны баев и кулаков, устройство её жизни «на социально-справедливых началах» и лишение эксплуататоров возможности закабалить бескотных и безинвентарных бедняков.

По данным Центрального статистического управления республики, в 1921 г. в Казахстане (без Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей) было: коммун — 161, сельскохозяйственных артелей — 385, кооперативов (включая и товарищества по совместной обработке земли) — 419⁶³.

Но эти колхозы не обладали внутренней прочностью. Жизнеспособность их зависела главным образом от помощи со стороны государства и от степени государственного обеспечения их средствами производства, и поэтому они не имели достаточных внутренних предпосылок для дальнейшего развития. ЦИК Казахской республики, подводя итоги колхозного строительства в Казахстане за первые три года советской власти, в 1922 г. признал: «Опыт коллективизации: коммуны и артели оказались неудачными, экономически несостоятельными и убыточными для государства. Преобладающая часть членов коллективов оказалась технически неподготовленной и морально несоответствующей, дезорганизующей дело личными устремлениями... Разнообразные отрицательные проявления, имеющие место в артелях и коммунах и невозволи-

⁶⁰ ЦАОР КазССР, ф. 10, оп. 1, д. № 181, зв. 11, л. 163.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, ф. 2, оп. 2, д. № 1163, л. 37.

⁶³ Там же, ф. 269, оп. 2, д. № 5, л. 21.

тельные даже с точки зрения единоличников, создали в населении психологически отрицательное отношение вообще к объединениям. Чтобы преодолеть это нежелательное явление, нужна последовательная планомерная работа и развитие свободных добровольных объединений»⁶⁴.

Колхозы, однако, сыграли большую положительную роль в деле экономической организации бедняцко-батрацких масс и освобождения их от байско-кулацкой зависимости. Они послужили также хорошей школой политического воспитания эксплуатируемых масс аула.

Отличительной чертой аграрной политики Советов рассматриваемого периода являлось то, что она проводилась при более близком участии крестьянской скотоводческой бедноты. Последняя своим политическим пробуждением и живым участием в демократическом движении за землю была обязана большевистской партии, которая терпеливо и настойчиво воспитывала трудовые массы аула и вовлекала их в революционный процесс. На рост революционной активности казахской бедноты огромное влияние оказывал пример самоотверженной революционной борьбы русских рабочих, крестьян и солдат, которые были посланы из Центральной России на помощь казахскому народу в его борьбе с контрреволюцией. Именно силами «центровиков» были подавлены Дмитриевское, Беловодское, Верненское восстания.

В отличие от переселенческого крестьянства «русские из центра» были свободны от влияния колонизаторской идеологии. Своим интернационалистским поведением они вселяли в сознание местных трудящихся масс веру в справедливость дела революции.

Большое влияние на казахских трудящихся оказывала и русская беднота в Казахстане, которая в ходе революции постепенно освобождалась от влияния колонизаторской идеологии. Героическая борьба русского трудового крестьянства в осажденном Черкасском участке Семиреченского фронта («Черкасская оборона»), где оно в течение 20 месяцев сражалось с «вооруженными до зубов казачье-алашскими отрядами», была в этом отношении весьма поучительна.

Громадна роль представителей большевистской партии — посланцев ленинско-сталинского ЦК, которые своей воспитательной и организаторской работой среди трудового населения степи спланировали его под знаменем советской революции. Казахский народ с чувством глубокой признательности вспоминает имена Фрунзе, Куйбышева, Фурманова, которые умело претворяли в жизнь директивы Ленина и Сталина в деле воспитания и организации национальных низов. М. В. Фрунзе в своём обращении к казахскому народу в феврале 1919 г., разъясняя ему смысл Октябрьской революции, говорил пламенные слова, имевшие огромное воспитательное значение: «...Не захотели подчиниться власти богатых, а решили устроить жизнь иначе, по-новому; сделать так, чтобы и бедняк мог чувствовать себя человеком, а не скотиной. И вот поднялась беднота сначала в нашей Родине — в России, а затем и в других странах, на борьбу с богачами... И вот теперь уже всякому рабочему, всякому крестьянину ясно, что советская власть есть единственный его друг и защитник. Я хочу, чтобы это стало ясно и вам, нашим братьям и друзьям, киргизской бедноте»⁶⁵.

В практическом осуществлении аграрных мероприятий Советы в Казахстане получали помощь от Центральной России и кадрами — специалистами сельского хозяйства: агрономами, зоотехниками и пр. Так, например, 12 мая 1920 г. представитель Киргизского военревкома в Главном бюро учёта технических сил (Совнаркома) обратился с просьбой «направить в Тургайскую область 29 специалистов (агрономов)»⁶⁶. Удо-

⁶⁴ ЦАОР КазССР, ф. 526, оп. I, д. № 3, л. 36.

⁶⁵ «Яйская правда» № 13 от 16 февраля 1919 года.

⁶⁶ ЦАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. № 17; л. 185.

влетворяя подобные просьбы, центральные органы советской власти неоднократно посылали для аулов кадры такого рода специалистов.

Аграрная политика Советов в Казахстане на первом этапе революции, несмотря на колоссальные положительные результаты её, однако, не разрешила полностью задачи аграрной революции в ауле. Главным пороком, в силу которого она не привела к действительному, советскому разрешению аграрного вопроса в Казахстане в период 1920—1921 гг., являлся её односторонний характер. Двумя коренными и равновеликими задачами аграрной революции в Казахстане являлись ликвидация последствий колониализаторской политики царизма и уничтожение патриархально-феодальных пережитков в аграрных отношениях и байско-манапской кабалы в ауле. Радикальное решение аграрной проблемы в Казахстане означало разрешение этих двух центральных задач в их неразрывном единстве. Между тем аграрная политика советской власти в Казахстане в период 1920—1921 гг. своим остриём была направлена почти исключительно против колониализаторства при полном почти игнорировании второй задачи—ликвидации патриархально-феодального землевладения байско-манапского насилия. Эта вторая задача аграрной политики в Казахстане была разрешена только на последующем этапе советского строительства.

Несмотря на то что на первом этапе Октябрьской революции в Казахстане (1918—1920 гг.) ещё не была полностью разрешена задача аграрной революции, дехканско-демократическое движение за землю, классовая борьба трудовых масс аула против «своих» и чужих эксплуататоров, происходившая там в период Октябрьской революции, равно как аграрные мероприятия Советов того времени, подготовили казахский народ к успешному осуществлению этой важнейшей задачи советской революции на последующем этапе.

Дореволюционный Казахстан представлял собой одну из отсталых колониальных окраин России. Казахи принадлежали к числу народов, «не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт...»⁶⁷.

Октябрьская революция создала возможность казахам перейти к высшему общественному строю — к коммунизму, — минуя капитализм. В. И. Ленин, обобщая опыт советского развития на национальных окраинах Советской России, в речи на II конгрессе Коминтерна говорил, что «...с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определённые ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁶⁸.

На пути Октябрьской революции, благодаря советской власти и помощи со стороны русского народа, Казахстан совершил скачок от патриархально-феодального строя к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

⁶⁷ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 70.

⁶⁸ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 354.